

и крестьяне. Все эти меры способствовали усилению позиций сибирских предпринимателей, которые стали играть ведущую роль в торговых операциях России и Китая. Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспошлинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города «Поднебесной».

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Законом от 12 июня 1900 г. отменялась судебная общеуголовная ссылка в Сибирь (за исключением каторги) и существенно ограничивалась административная. Поскольку ссыльные этой категории составляли приблизительно 85% от всей массы ссылаемых, то это избавило регион от массового наплыва уголовного элемента. С другой стороны, власть признала неэффективность хозяйственного освоения территории за счет «штрафной колонизации». Самодержавие сделало ставку на организацию крестьянских переселений в Азиатскую Россию.

Ссылка на каторжные работы с последующим поселением отбывших срок наказания осталась. В системе наказаний Российской империи, как поясняли специалисты из Министерства юстиции в начале XX в., «под именем каторжных работ разумеется сложное прогрессивное наказание, построенное из трех главных ступеней. В основу первой из них положен тяжелый принудительный труд и суровый строй тюремной жизни. Обе меры воздействия, с одной стороны — должны иметь значение устрашающее, так как причиняют наказанному лишения и физические страдания; с другой стороны — они должны исправить преступника, дисциплинируя его, приучая к порядку и отучая от праздности. По мере достижения исправления преступника, ослабляются и меры воздействия на него. С переводом наказанного на жительство вне тюремной ограды, а затем на поселение наступают вторая и третья ступени, имеющие назначение подготовить преступнику постепенный переход от подневольного существования к свободной жизни в том крае, содействовать колонизации которого он призван» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106. Л. 142). Поэтому даже в последней по времени редакции «Устава о ссыльных» (1909 г.) предписывалось ссыльнокаторжан отправлять «в рудники, на заводы и другие работы в Сибири». Экономическая же целесообразность применения принудительного труда постоянно сокращалась. По

подсчетам В. П. Зиновьева в 1898 г. каторжане составляли 1,4% от общего числа горнорабочих Сибири, в 1908 г. — 1,8%, в 1913 г. — 2,3%, в 1916 г. — 1,8% (Зиновьев В.П. *Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX–начало XX вв. Томск, 2009. С. 34*).

Параллельно с кризисными явлениями в функционировании единственного тюремного комплекса содержания ссыльнокаторжан в Нерчинском горном округе Кабинета его императорского величества (КИВ) в плане использования принудительного труда, с конца XIX в. сам институт каторги вступил в полосу системного кризиса, связанного с невозможностью распределять осужденных согласно приговорам, а большая часть приговоренных к каторжным работам не могла быть задействована на них. Для расширения практики каторжных работ в 1869 г. в порядке эксперимента 800 осужденных морским путем отправили на Сахалин. В последующем на остров высылали по 1 тыс. чел., для которых открыли семь каторжных тюрем. Всего в 1880–1900 гг. сюда прибыло 24 730 каторжан. В ходе Русско-японской войны ссыльных с Сахалина пришлось эвакуировать. В 1904–1905 гг. ссыльнопоселенцев амнистировали, а ссыльнокаторжан «перечислили в ссыльнопоселенцы и частью даже в крестьяне». Данное обстоятельство еще больше обострило ситуацию по поводу преобразования каторги. И вновь взоры администраторов сосредотачиваются на Забайкалье.

На основе рекомендаций межведомственной комиссии здесь в 1905 г. закрываются полиметаллические рудники и Кутомарский сереброплавильный завод. В результате соглашения двух заинтересованных министерств — императорского двора и юстиции принимается решение об использовании труда заключенных на золотых промыслах КИВ в количестве не менее 500 чел. одновременно. Достигнутый компромисс свелся к утверждению двумя министрами 29 апреля 1904 г. «Правил работ ссыльно-каторжан на золотых промыслах, принадлежащих Кабинету его императорского величества». В производстве предполагалось задействовать способных к тяжелому труду заключенных, «преимущественно из числа тех, которым в ближайшие годы предстоит перевод на поселение». Администрация КИВ обеспечивала привлекаемый контингент производственными и отопляемыми жилыми помещениями, питанием по нормам для вольнонаемных рабочих, оплачиваемого Министерством юстиции. Кроме того Кабинет «отпускает всем ссыльно-каторжным, выполнившим урок или исправно проработавшим на поденных работах, по десять копеек в день на человека на выкупку продуктов». За произведенные работы привлекаемые получают от Кабинета зарплату по расценкам, установленным для вольнонаемных. «Независимо от заработной платы и пищевого довольствия всем ссыльно-каторжным, проработавшим на промыслах не менее одного года при переводе на поселение, выдаются премии из особого фонда». Наконец, правила вво-

дили, хорошо известную по истории советского ГУЛАГа практику зачета: «Ссыльно-каторжным, проработавшим на промыслах не менее одного года и отличившихся в поведении, срок каторги сокращается зачетом восьми месяцев пребывания на промыслах за целый год» (РГИА. Ф. 468. Оп. 28. Д. 423. Л. 177–178об.).

О том, как фактически задействовали заключенных Нерчинской каторги, можно судить по отчетным документам ее Управления по состоянию на июнь 1910 г. Всего отбывало наказание 3781 чел., в том числе 405 политических (10,5%), 3 543 мужчины и 248 женщин. Из них различными видами трудовой деятельности было охвачено 134 политических (33,8%) и 2 831 уголовник (83,36%), всего 2 965 чел. или 78,2% от всего контингента. Из 826 не занятых работами 216 являлись больными, 293 относились к категории слабосильных и не способных к труду (инвалиды, престарелые), 365 чел. не использовались на внешних работах из-за отсутствия профессиональных навыков и 121 из-за отсутствия работы для них. Казалось бы уровень вовлечения заключенных в различные виды физического труда был достаточно высок — 3 305 чел. или 87%, но на золотых промыслах трудилось всего 797 каторжан (21% к общему количеству, 27% к числу занятых). Основная масса арестантов задействовалась на бесплатные работы по обеспечению функционированию каторжного комплекса: хлебопеки, кашевары, слесари, бондари, кузнецы, трубочисты, строители, огородники и т.д. (РГИА. Ф. 1275. Оп. 4. Д. 105. Л. 134). Летом 1913 г. число привлеченных к разработке золотоносных месторождений заключенных Нерчинской каторги достигло почти 2 тыс. чел.

Тем временем существенно изменилась ситуация с контингентом осужденных на каторжные работы в целом по стране. Амнистии 1904, 1905 гг., ликвидация Сахалинского каторжного комплекса привели к сокращению ее численности до 5 748 чел. к началу 1906 г. Преследование участников революции 1905–1907 гг., рост уголовной преступности способствовали к увеличению числа осужденных к каторжным работам. К началу 1908 г. их численность составила 12 591 чел., на январь 1909 г. — 20 936, в 1912 г. приблизилась к 32 тыс. чел. В последующем число каторжан стабилизировалось в пределах 27 тыс. чел., а с началом Первой мировой войны стало сокращаться. В Сибири к 1914 г. находилось около 12 тыс. ссыльнокаторжан, в том числе 3,3 тыс. в Александровской каторжной тюрьме под Иркутском, 0,7 тыс. в Тобольской каторжной тюрьме, около 4 тыс. на Нерчинской каторге и 3,5 тыс. на строительстве Амурской железной дороги. Всего за Уралом на начало марта 1915 г. размещалось 10 537 заключенных этой категории. Из них были заняты работами: на строительстве Амурской железной дороги 3 370 чел., усилении провозной способности Кругобайкальской железной дороги — 1 300 чел., на Бархатовских каменноугольных коях

(Иркутская губ.) 335 чел., на золотых промыслах в Нерчинском горном округе КИВ 1 932 чел., направлены на строительство Усинского тракта 1 000 чел. «Остальные (2 600 чел.) непригодны к наружным работам (больные, слабогрудые, туберкулезные, увечные, калеки, совершившие побег, покушавшиеся на побег, дурного поведения, политические, бродяги и евреи)» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 778. Л. 2).

Использование принудительного труда ссыльнокаторжан в Сибири в начале XX в. оказалось не эффективным. К такому выводу пришли представители тюремного ведомства, которые в аналитической записке (1913 г.) констатировали: «Возникнув под влиянием высших интересов государства и согласуясь в начале с его потребностями, ссылка в каторжные работы по нашему Уставу о ссыльных давно уже отстала от исторического развития нашего отечества, а в особенности от культурного роста Сибири, где она, по мысли Устава сосредоточена. Потеряв, таким образом, связь с окружающей жизнью, одряхлевшая система наказания стала с общегосударственной точки зрения в некоторых своих проявлениях бесполезной, а в некоторых вредной» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 105. Л. 155).

Не менее бесполезной была практика перевода ссыльнокаторжан на поселение. В начале XX в. ежегодно из местных тюрем в разряд ссыльнопоселенцев переводили примерно по 2 тыс. каторжан. Только в Иркутской губернии по данным Главного тюремного управления насчитывалось 75 187 таких поселенцев и административно ссыльных, из которых 32 075 находились в бегах или безвестной отлучке и 20 186 в отлучке по отпускным билетам. Как признавали чиновники «не более 2–3% поселенцев приобретают прочную оседлость. Все остальные представляют бродячую массу, которая временами работает на промыслах или других предприятиях, в обычное же время занимается пьянством, кражами и другими преступлениями». Закончился крахом начатый в 1885 г. эксперимент с «устройством особых поселков для наиболее надежных ссыльно-каторжных. Таких поселков было устроено три: Ундурга — на Карийских промыслах, Михайло-Никольское — в 19 верстах от Алагачинского рудника и Сергеевское — в 3 верстах от Кутомарской тюрьмы. «Все они переданы в настоящее время [1913 г.] из ведения тюремной администрации в ведение общей полиции и население их, будучи предоставлено самому себе, влачит существование в крайней нужде» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106. Л. 142об., 136об., 137).